

ОТКРЫТАЯ

встреча

Приложение
к газете

24

КАК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИБЛИИ МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ ДИНОЗАВРОВ?

Ответы на вопросы открытых встреч

— Можно ли есть православному христианину свинину? Ведь в Ветхом завете это не разрешается. Почему же христиане начали есть свинину, кроликов и т.д.?

А.М. Копировский (катехизатор, Свято-Андреевское братство): Можно, только без удовольствия ☹. А если серьезно: Христос освободил нас от «закона, состоящего из предписаний». Поэтому можно есть всё, ведь оскверняет не пища (в Ветхом завете запрет на «нечистое», т.е. скверное — один из основных), а то, что выходит из сердца: злоба, зависть и т.п. Вот эту «свинину» нельзя принимать в себя ни в коем случае, она ведь потом обязательно выберется наружу...

— Ветхий завет — то, что может отвратить от христианства. Зачем его читать?

А.М. Копировский: «Уж коли зло пресечь, собрать бы книги ВСЕ (выд. мной — АК) да сжечь!» Некоторые так и делают. А вот и конкретный пример: недавно в Израиле один раввин счел, что чтение Нового завета может отвратить от иудаизма (что во многом правильно), и сжег несколько сот экземпляров. Не уподобляйтесь ему!!! Ведь известно, что от христианства могут отвратить только плохие христиане!

— Часто в затруднительных ситуациях мы в своей душе делаем выбор в пользу какого-то одного решения. Как определить при выборе, кто нашептывает это решение, Бог или ... (не хочу называть имя)? Бывает, что решение вроде и заповедям соответствует, и внешне прилично выглядит, а потом оказывается, что это было сребренное решение. Чем руководствоваться?

Сотворение мира. Деталь фрески сестры Иоанны (Рейтлингер) в часовне св. Василия Великого в доме Содружества св. Алабрия и преп. Сергия. Лондон

А.М. Копировский: Очень просто: станьте старцем (духовным), и тогда вопросов не будет. Или обратитесь к таковому. Но ведь и здесь есть проблема:

как определить, старец это или нет? Тогда придется рисковать и выбирать на основании собственной веры в Бога и знания Его воли (Закона), причем со всей

ответственностью. Сразу окажется, что этого недостаточно. Значит, даже в случае промаха вы не проигрываете: за смиренного двух, а то и трех несмиранных дадут. И заодно обретете стимул к более глубокому воцерковлению, потому что все такие вопросы решаются (если они вообще разрешимы) только в Церкви, где среди двоих-троих присутствует Тот, Кто обязательно шепнет правду...

— Как с точки зрения Библии можно объяснить существование динозавров? Ведь в ней ни слова о них не сказано.

А.М. Копировский: Хороший вопрос. Но почему вы решили, что у Библии есть «точка зрения» на всё? Михаил Васильевич Ломоносов когда-то сказал: плох тот, кто по Псалтири хочет научиться химии. Заметьте, — он при этом не сказал, что Псалтирь плоха...

— Нужно ли постигаться детям? мое мнение — резко категоричное НЕТ, а Ваше?

А.М. Копировский: Конечно, конечно, не надо ни в коем случае! Пусть едят до посинения, спят до позеленения, играют на компьютере (а также в карты, домино, на игровых автоматах и т.п.) до опупения, ругаются с вами до остервенения ... (можно продолжать). Но если вдруг вам все вышеперечисленное надоест, тогда спросите себя: есть ли основание для того, чтобы это разумно ограничить, кроме поста, заповеданного и Ветхим, и Новым заветом, т.е. не злыми батюшками придуманного? А уж частности и решайте частно (можно с помощью добрых батюшек ☺). Успехов!

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА — КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ?

17 сентября в культурном центре «Покровские ворота» прошла презентация книги публициста Бориса Колымагина «Искушение культуры: проблемы взаимодействия Церкви и культуры в современной России».

По мнению автора книги — поэта, журналиста, бакалавра богословия, церковь выполняет сегодня большую культурную роль: храмы, которые были отданы церкви, так или иначе восстанавливаются и обретают значение не только в духовном смысле, но и как объекты культуры. С другой стороны, в церковь хлынуло много людей, которые применяют к ней мирские рамки: это могут быть даже влиятельные православные олигархи, которые, например, запускают бизнес-проекты, не согласующиеся ни с внутренним устройством церкви, ни с церковной культурой, ни с культурой вообще. Кроме того, когда у государства не оказывается денег на поддержание разных учреждений культуры, оно с удовольствием передает объекты культуры другим хозяевам, «лишь бы только не платить». В этой ситуации очень важно, чтобы те, кто может сказать слово в защиту культуры — в первую очередь интеллигенция, —

не боялись говорить то, что они думают. Важно, чтобы голос этих людей звучал, и особенно важен этот голос «изнутри церковной ограды».

В дискуссию включились присутствовавшие на презентации религиовед Борис Фаликов, декан факультета религиоведения Свято-Филаретовского института Маргарита Шилкина, директор Фонда христианского просвещения и милосердия им. свт. Луки (Войно-Ясенецкого) Сергей Матвеев, директор Зверевского центра современного искусства поэт Алексей Сосна, поэтесса Наталья Черных и другие.

Борис Фаликов отметил в первую очередь «взвешенную, сбалансированную позицию» Бориса Колымагина в оценке взаимоотношений религии и культуры. Потому как эта тема «сильно поляризуется»: здесь всегда возникают крайние мнения. Автор же рассматривает проблему, с одной стороны, изнутри, как человек церковный, с другой — как поэт, который понимает современное искусство. Эта позиция, по мнению Фаликова, невыигрышная (ему достается и от тех, и от других), и выигрышная в то же время — «он понимает взгляды обеих сторон». «Мне кажется, такой взвешенный подход сейчас очень важен», — считает религиовед.

Маргариту Шилкину «больше всего поразило то, что автор не боится открыть личные взгляды, чувства», потому что тем взаимоотношений Церкви и культуры сегодня не самая популярная. В самом начале XX века об этом

писали и говорили много — деятели культуры и Церкви «опомнились» и попытались встретиться друг с другом». И «удивительным образом сейчас, когда есть ощущение пустоты, ощущение не столько возрождения, сколько попытки вернуться к уже пройденному и отброшенному истории, появляются те люди, которые и в церкви, и в культуре ищут дорогу друг к другу, но я не могу сказать, что уже нашли. Главное, что сегодня может сдвинуть все с мертвой точки, — явление человека, живущего внутри культуры и внутри своей веры, живущего тем, что и его вера, и его культура питают друг друга, они нужны друг другу в нем самом, именно они помогают личности быть целостной. И Борис Колымагину удалось показать таких людей. Эта книга может помочь очень многим людям в себе самом обрести встречу или хотя бы желание встречи, найти те пути, которые могут помочь человеку возродить в себе и жажду духа, и жажду смысла», — сказала М. Шилкина.

Священник Константин Кравцов отметил, что «мы живем в мире полем» и предложил определиться, что есть культура — т.е. существует массовая культура, псевдокультура, антикультура и т.д. Наталья Черных подчеркнула, что «путь художника — нарушать границы». Она предложила в размышление «Церковь — культура» включить третью составляющую — художника.

Настоятель храма Всех святых г. Мытищи о. Владислав Каховский от-

метил, что «те, кто творит, — себя не ограничивают», и, по его мнению, художника не нужно ограничивать. В целом постановку вопроса «Церковь — культура» о. Владислав считает нонсенсом, т.к. культура — составная часть Церкви. Культура отображает то, что нас окружает, а Церковь — «не отображает, она действует».

Сергей Матвеев считает, что Церковь за последние годы достаточно окрепла и должна помогать культуре. По мнению Маргариты Шилкиной, сегодня «Церковь нуждается в поддержке культуры больше, чем культура в поддержке Церкви».

В книгу Колымагина включены статьи, написанные в разные годы, — «Фундаментализм как явление антикультуры», «Саддукейские игры с культурой», «Радикализация на фоне охлаждения», «Основы православной культуры в школе: pro et contra», «Религиозная поэзия андеграунда (Петербург — Москва)», «К проблеме диалога со старообрядцами: уроки истории» и другие. Книга завершается личными заметками автора («Паломники», которые, по мнению Бориса Фаликова, удачно дополняют публицистические статьи).

В завершение презентации присутствовавшие выразили надежду на то, что обсуждение вопросов, столь актуальных как для общества, так и для церкви, будет продолжаться на страницах новых книг.

По материалам информационной службы СФИ и «Благовест-инфо»

На Ржевском полигоне почтили память жертв «красного террора»

7 сентября на Ржевском полигоне под Петербургом была отслужена панихида по всем жертвам «красного террора». Поминальную службу совершил настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла при Академии постдипломного педагогического образования, профессор Санкт-Петербургских Духовных школ протоиерей Георгий Митрофанов.

Напомним, Ржевский артиллерийский полигон является местом захоронения тысяч невинно убиенных людей. Всего в земле Ржевского полигона на глубине не более трех метров в расстрельных ямах покоятся по разным подсчетам от 9 до 30 тысяч убитых в период с 1918-го до конца 1920-е годов.

Поездки священнослужителей и прихожан петербургских храмов на Ржевский полигон уже стали традиционными. Обычно они совершаются в первое воскресенье после 5 сентября (дата издания «Декрета Совета народных комиссаров о красном терроре»). Нынешняя поездка была в определенном смысле символической — она состоялась в год 90-летия «Декрета». В этот день шел проливной дождь, молящихся на панихидах было немного — не более 50 человек, к тому же дорога к пороховому складу оказалась размыта.

После панихиды состоялась встреча прихожан в храме Спаса Нерукотворного Образа во Всеволожске, на которой протоиерей Георгий Митрофанов и историк Кирилл Александров выступили с докладами, посвященными истории красного террора и гонений на Русскую Православную Церковь в 1917–1922 годы.

Справка: Ржевский полигон был местом массовых расстрелов на протяжении 1920-х годов. Сюда привозили на расстрел горожан, взятых большевиками под арест в качестве заложников, а также тех, кого новая власть объявляла «классово чуждыми» пролетариату. Это были дворяне, интеллигенция, чиновники, офицеры императорской армии, православное духовенство. В дальнейшем большевики привозили сюда для расстрела оставшихся кронштадтских матросов, рабочих и крестьян.

Обреченных доставляли по ночам из тюрьмы ЧК на улице Гороховой, из «Крестов», а также из дома предварительного заключения на Шпалерной. Последним местом пребывания арестованных перед расстрелом был бывший пороховой склад, который чекисты называли «накопитель».

Осталось несколько свидетельств о том, как именно здесь происходили расстрелы. Арестованных привозили партиями к пороховому складу, здесь они ждали своего смертного часа, здесь звучала их последняя молитва, затем группу людей вели к месту расстрела, заставляли рыть яму, всем — мужчинам и женщинам — приказывали раздеться догола. Часто расстрелы производили в темное время суток, палачи разводили костер. Одну партию расстреливали, другие, уже раздетые, жались у костра. Женщины часто утешали мужчин. Некоторых вначале stalkивали в яму, а только затем открывали стрельбу, после чего мертвых вместе с ранеными засыпали землей.

В 1921 году на Ржевском полигоне были расстреляны несколько десятков человек, осужденных по делу так называемой «Петроградской боевой организации» (делу профессора Таганцева), в их числе — поэт Николай Степанович Гумилев. Это были те немногие, кто хотел активными действиями остановить красный террор. И практически все участники антибольшевистского петроградского подполья также лежат в земле Ржевского полигона.

В 1922 году здесь же были расстреляны священномученик митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и с ним преподобномученик архимандрит Сергей (Шенин), а также святыя новомученики Иоанн Ковшаров (юрисконсульт Александров-Невский Лавры) и Юрий Новицкий (профессор кафедры уголовного права Петроградского Университета).

Мощи святых мучеников лежат в земле Ржевского полигона вместе с тысячами невинно убиенных жертв. Возможно, в этом месте покоятся и другие православные Церковью святыя, точных сведений о месте упокоения которых нет.

Человеческие останки на Ржевском полигоне были обнаружены обществом «Мемориал» в 2002 году. По оценкам поисковиков, на полигоне покоится прах не менее тридцати тысяч человек. С тех пор правозащитники настаивают на открытии здесь мемориального кладбища жертв большевистского террора.

С ними солидарны многие православные петербуржцы. В 2007 году близ стен Порохового склада ими установлен памятный крест.

«Вода живая»

*Разве память и время даны нам случайно?
(Н.Я. Мандельштам,
«Думая об А.А.»)
Этот воздух пусть будет свидетелем...
(О.Э. Мандельштам,
Третья воронежская тетрадь)*

Любая правильная мысль, ставшая уже банальной, может обновиться через воплощение в личном опыте. Так и наше отвлеченное знание о том, что «прошлое никуда не уходит», лично ожило благодаря событиям, о которых ниже.

30-е годы XX века... Они навсегда изменили будущее страны, людей и присутствуют то явно, а то прикровенно здесь и теперь. Те события особенно остро переживались мною на Соловках и в Пермской земле — в местах, где

действительно сам «воздух — свидетель». Этот обыкновенный воздух благодаря памяти приобретает вдруг качество такой густоты, за которое, вероятно, О. Мандельштам и назвал его «веществом». «Вещество» одинакового состава присутствует во всех подобных местах. Всегда одно и то же смешанное чувство, всегда ощущение, что приближаешься к страшному краю, но подойти и заглянуть за него не получается, потому что он повсюду.

Никто из нас не предполагал, что такой же «край» мы найдем в центре России, под Воронежем, где проходил теперь уже ежегодный детско-юношеский лагерь с участием Свято-Троицкого и Покровского малых православных братств. Немного о том месте, где мы расположились. Равномерный, нечастый лес, возникший в результате плановых сталинских лесопосадок в начале 50-х годов. Братские квартиры место для стана выбрали очень удачно: рядом река Усманка — узкая, споконная, местами слегка заболоченная, но уютная и чистая. В десяти минутах езды на автомобиле расположены ближайшие населенные пункты — поселки Дубовка и Сомово, куда мы ежедневно навевались за питьевой водой и продуктами. Всю, довольно насыщенную, жизнь в лагере описать не берусь, но об одном знакомом для всех эпизода кратко расскажу.

Уже после «препровождения» лагеря в один из вечеров (кажется, это была среда) мы решили провести у костра общую всевозрастную встречу, посвященную Осипу Мандельштаму. Из Черныни в 1934 году он был направлен в Воронеж, где находился в ссылке до 1937 года. Об этом периоде жизни остались бесценные воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам, сохранен-

ные и восстановленные ею стихи поэты.

Сначала о том, зачем мы затеяли такую встречу. Да не обидятся на меня другие участники лагеря, но дня через четыре после его начала (открытие лагеря было вдохновенным, необычным и благословенным) я уже пожалел, что приехал. Общежитие многое выявляет, причем очень скоро. Семьи со всеми их проблемами были как на ладони. А те братчики, которые приехали без семей и детей, оказались в этих отношениях немного посторонними. На время лагерь-соброр стал зоной отдыха и внутрисемейных воспитательных баталлий. О, счастливое, беззаботное детство (если бы еще не распорядок дня...): взрослые служат детям, взрослых подгоняет страх неинтересного или непонятного для детей времяпрепровождения. Переориентировать эти навыки трудно. Другой образ жизни нам пока не знаком. Потом все исправилось и состоялось, в том числе благодаря описываемой встрече и тому, что последовало за ней. Было бы неправдой, однако, утверждать, что указанная тема задумывалась исключительно как сильное действующее средство осознания своей беспомощности взрослых. Такая тема не могла быть прикладной и изначально воспитательной. Мы просто попробовали не делать ее специально для детей, не «затачивать» под них каждое событие. Неожиданно это получилось. Читали стихи Мандельштама, в том числе из его воронежской тетради. Дети слушали, и всем это было важно.

*Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лono —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодневная жизнь вне закона.*

Рассказывали, даже не детям, а друг другу, что знали о том времени. Варлам Шаламов, его судьба, бескомпромиссная жизнь, борьба с ложью и беспомощностью. Надежда Яковлевна Мандельштам, отражавшая в своих воспоминаниях тот дух, который гнездился в каждом: «из того, что с нами было, самое основное и сильное — это страх и его производное — мерзкое чувство позора и полной беспомощности. Этого и вспоминать не надо, «это» всегда с нами. Мы признавались друг другу, что «это» оказалось сильнее любви, сильнее ревности, сильнее всех человеческих чувств, доставшихся на нашу долю».

Случайно наш лагерь разместился в двадцати минутах пешего хода от Мемориальной зоны. На следующий день мы отправились туда. Что это за место и как оно оказалось рядом с Воронежем? Как известно, в период большого террора 1937–1938 года приказом Н.И. Ежова было введено упрощенное «судопроизводство», осуществляемое «тройками УНКВД» на местах. В Воронеже расстрелы производились в основном в подвалах УНКВД. Трупы перевозились по ночам в подготовленные для этого места и сбрасывались в ямы. Одним из таких мест была часть поймы реки Усманки рядом с поселком Дубовка. На этой территории в безымянных могилах были сокрыты тела более 8000 человек. Обнаружить расстрельные ямы чрезвычайно трудно. Это место установлено благодаря одному очевидцу — И.А. Текутьеву, который в 1938 году случайно наткнулся на закопанные ямы. Весной по просекей земле он насчитал их 103. В 1990 году было осуществлено первое захоронение останков. Поскольку первоначальные перезахоронения производились на том же месте, где обнаруживали расстрельную яму, надгробия и могильные холмики беспорядочно разбросаны по лесу. Последние перезахоронения делались уже в одном месте, выстроенном как мемориальная аллея. Поиски останков продолжают и сейчас: обнаружены 42 ямы, и общее число останков составило около 2000 человек. Это трудное дело, т.к. точные места не известны, следы не сохранились, территорию с начала 50-х покрывает сосновый лес. К тому же доступ в архивы сейчас значительно затруднен. Ознакомиться с делами даже реабилитированных жертв почти невоз-

можно. Общий интерес к данной теме с 90-х годов также заметно поубавился. И, к сожалению, до сих пор едва ли не единственным инициатором и организатором поисков и хранения памяти о людях и времени является руководитель общества «Воронежский мемориал» Битюцкий Вячеслав Ильич — человек замечательный и неравнодушный.

На скромных надгробиях только одна информация — количество захороненных в данной могиле. Оно разное, в среднем около 40 человек. Имен нет, только количество. Кто-то спросил: зачем указывать количество захороненных в отдельной могиле? Не достаточно ли знать общее число людей? Нет, не достаточно. Здесь уже похоронены люди, а не просто закопаны, как прежде, свезенная и сброшенная в ямы человеческая масса. Указание точного числа — маленькое и единственное возможное средство противостоять обезличенности и безымянности, это отношение и память живых, противостояние мертвящему безразличию. Дети это сразу поняли и приняли. Вообще, они все как-то притихли до неузнаваемости: были слегка ошеломлены (но все-таки не подавлены) обнажившейся вдруг правдой о зле и неправде. Это не страшили у костра, это настоящее. Что называется: добро пожаловать в реальный мир.

Добавлю, что поименно установить захороненных людей удалось только в двух случаях. Судя по информации из списков, — это были уже молодые люди. Искоренялась, вычищалась та «неблагонадежная» часть населения, которая знала другое время, другие отношения, другое государство. Выполнялась дьявольская задача — посорить поколения, прервать связь, вырастить с чистого листа молодежь, не помнящую родства.

На мемориальной аллее еще в 2006 году митрополитом Воронежским и Борисоглебским Сергеем был освящен закладной камень будущей часовни. На том месте состоялась еще один разговор. Константин Обозный рассказал о судьбе некоторых участников Исковской миссии, о неизвестных эпизодах партизанской войны, о тех архивных делах, с которыми он знакомился лично. Там же мы отслужили вечерню.

Хорошо, что в свою меру мы оказа-

лись не чужими для тех, кто погиб или был покаянен. Соловьи, Колыма, ГУЛАГ... Это даже не дыхание преисподней, это холодное безмолвие зла, его глашатаи, неумолимая власть. Иные теперь времена, другие, как кажется, люди. Но, даже говоря о прошлом, мы понимали, что это не то, чего нет, а то, что невольно пребывает в мире и в конкретной жизни. Меняются обстоятельства, окружение, но привкус за узнатая и отрезвляет. Нам нужна правда здесь и теперь о той неправде, которая совершалась здесь и тогда. Нам нужна глубокая, очищающая память, переживание помимо эмоций. И наши дети, обделенные чем-то значительным в наше время, «изнывая от мелких своих катастроф», вдруг встали перед значительностью происшедшего. Надеюсь, что состоявшаяся встреча стала хорошей прививкой против современного вируса — не искать подлинного и не относиться ни к чему всерьез.

Михаил СЕРГЕЕВИЧ